
УДК 94(470.6)
ББК 63.3(235.7)5
М 21

В.Н. Мальцев,

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, тел.: 89604994225, e-mail: zenturion09@rambler.ru

А.Ю. Чирг,

доктор исторических наук, профессор, декан факультета адыгейской филологии и культуры Адыгейского государственного университета, тел. 8 903 465 71 38.

Институт приставства на Кавказе: создание, деятельность, эволюция (вторая половина XVIII века — 1860 год)

(Рецензирована)

Аннотация. Поставлена цель изучить институт приставства на Кавказе с точки зрения его роли в развитии российской системы административного управления в регионе и взаимодействия с населением, рассмотреть процесс формирования института, этапы развития приставской системы, правительственную политику в отношении приставств, особенности деятельности приставов; сделаны выводы о значении приставств в становлении российского управления на Кавказе.

Ключевые слова: приставская система, приставское управление, административное управление, главный пристав, приставства кавказских народов, военные власти.

V.N. Maltsev,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of National History, Historiography, Theory and Methodology of History, Adyghe State University, ph.: 89604994225, e-mail: zenturion09@rambler.ru

A.Yu. Chirg,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of Faculty of Adyghean Philology and Culture, Adyghe State University, ph. 8 903 465 71 38.

Institute of police officer organization in the Caucasus: creation, activity, evolution (second half of the 18-th century — 1860)

Abstract. The paper is aimed at studying the institute of police officer organization in the Caucasus from the point of view of its role in development of the Russian system of administration managerial control in region and interactions with the population. The authors examine the process of formation of institute, development stages of police officer systems, the governmental policy in the relation of police officer organizations and features of activity of police officers. Conclusions are drawn on importance of police officer organizations in formation of the Russian governing in the Caucasus.

Keywords: police officer system, police officer management, administration managerial control, the main police officer, police officer organizations of the Caucasian people, the military authorities.

Переходным институтом, созданным Российским государством для управления горскими и кочевыми народами Кавказа, являлась система приставств. Она появилась во второй

половине XVIII в. и действовала до 60-х годов XIX в., когда была реформирована и включена в новую структуру административного управления Кавказа. Введение этой системы озна-

чало переход России к установлению косвенного управления народами региона и поэтапному включению их в состав Российской империи. В отличие от прежних форм отношений между Россией и Кавказом, осуществлявшимся в сфере внешних связей между государством и сопредельными народами и носившим нерегулярный характер, институт приставов обеспечивал постоянные административные связи с местным населением, давал возможность детально вникать в особенности внутренней жизни обществ и владений и осуществлять политический и военный контроль над ними. Приставская система позволяла, с одной стороны, установить постоянную русскую администрацию у народов, переходивших в российское подданство, а, с другой, — не форсировать политику, направленную на изменение местных форм управления, а, наоборот, проводить её с учётом уровня общественного устройства, традиций и жизненного уклада новых подданных империи, «без видимого вольности их умаления» [1]. Наибольшее развитие в рассматриваемый период приставское управление получило на Северном Кавказе.

В литературе сделаны выводы о том, что появление там института приставства «было обусловлено, во-первых, спецификой региона», «во-вторых, отсутствием серьёзных знаний о народах, населяющих Северный Кавказ», «в-третьих, невозможностью немедленного введения российской правовой системы и гражданского управления у горских народов» [2]. Ещё одним фактором, способствовавшим распространению этого института на Северном Кавказе, стала практическая потребность в политико-юридическом оформлении складывавшихся уровня и форм взаимоотношений между Россией и общественными системами горских и кочевых народов Кавказа на переходном этапе их включения в административно-правовую систему империи.

Между тем многие проблемы, связанные с функционированием и эволюцией приставской системы на Кавказе, её местом и ролью в создании российской администрации в регионе остаются

неразработанными. Господствующей в кавказской историографии является точка зрения согласно которой «царизм для укрепления своей власти на завоёванных территориях Северного Кавказа учредил систему приставств» [3]. При этом содержание приставского управления отождествляется с функциями военных начальников и делается вывод, что «одной из ключевых фигур военкомандантского управления был пристав» [4]. Данные подходы определяют приставскую систему только как часть военной политики России на Кавказе. Не учитывается и то обстоятельство, что учреждение приставств не всегда было связано с наличием «завоёванных территорий» и действия приставов законодательно оформлялись.

За время своего почти столетнего существования приставская система претерпела эволюцию, изменившись как по своей подчинённости, так и содержанию деятельности. На первом этапе, во второй половине XVIII — первые годы XIX вв., приставства относились к коллегии иностранных дел и выполняли, по преимуществу, распоряжения данного ведомства, устанавливали отношения с управленческой верхушкой кавказских народов, координировали их политику по отношению к России и соседям. На втором этапе, длившемся до 60-х гг. XIX в., приставства подчинялись военному командованию на Кавказе и наделялись наряду с прежними и военно-полицейскими функциями. В связи с эскалацией военных действий на Северном Кавказе в первой половине XIX в. приставская система эволюционировала в сторону её переподчинения армейскому командованию, что определило специфику и характер отношений приставов с вверенным им населением, аульскими верхами и владельцами. В отличие от первого этапа, когда приставы оставались относительно самостоятельными в своих действиях, на втором они являлись частью военного аппарата управления Северным Кавказом, формировавшимся в чрезвычайных условиях Кавказской войны. Эта разница прослеживается на примере деятельности главного пристава Кабарды

в 1800 — 1802 гг. коллежского советника Макарова, имевшего «особую инструкцию, на основании которой он являлся вполне самостоятельным правителем и был подчинён непосредственно коллегии иностранных дел», а «к военным властям» он только «мог обращаться за содействием, если ему для этого необходима была военная сила» [5] и приставов-офицеров последующего периода, деятельность которых направлялась вышестоящим командованием.

В конце XVIII — начале XIX вв. правительство делало шаги в сторону разделения военного и гражданского управления горскими и кочевыми народами. Не только приставы, но с 1797 г. и все дела, касавшиеся горских народов, находились в ведении коллегии иностранных дел [6]. В августе 1800 г. Павел I ввёл должность главного пристава над ногайцами, калмыками, туркменами и кабардинцами, относившуюся к коллегии иностранных дел. В 1802 г. по решению коллегии иностранных дел управление северокавказскими народами было изъято из подчинения начальнику Кавказской линии и передано приставам, проходившим по ведомству этой коллегии. И в то же время указом Александра I от 17 октября 1802 г. «О подчинении приставов над кочующими на Кавказской линии народами Астраханскому Военному губернатору князю Цицианову» ряд местностей Предкавказья передавались из ведения Коллегии иностранных дел под управление военной администрации. Указ предписывал «приставам сих народов, в ведомстве её [Коллегии иностранных дел. — В.М.] состоящих, быть в подчинении» инспектора Кавказской линии и Астраханского Военного губернатора князя Цицианова [7]. В 1803 г. главный пристав ногайцев был переподчинён командующему Кавказской кордонной линией.

Как следствие, элементы гражданского управления Северным Кавказом в первой половине XIX в., которые при другом раскладе событий могли быть в перспективе распространены через систему приставств, оказались невостребованными. Причины данной

альтернативы состояли в следующем: во-первых, приставы не обладали достаточными властными полномочиями и не имели политического опыта и авторитета для обеспечения порядка и стабильности на вверенных им территориях; во-вторых, институт приставства, в большинстве случаев был чужд и непонятен народам Северного Кавказа, которые и «не уважали приставов и даже не понимали, что означало слово «пристав» [8]; в — третьих, передача части управленческих полномочий приставам была отрицательно воспринята военными, считавшими, что разделение власти над горскими и кочевыми народами между ними и гражданскими чиновниками в условиях нарастающей почти на всём Северном Кавказе конфронтации не будет способствовать проведению согласованной политики разных ведомств в регионе; в — четвёртых, распространявшаяся Кавказская война не дала развиваться приставской системе, как форме косвенного управления, в сильный и самостоятельный административно-управленческий институт, так как «реформа гражданского управления, встретив сопротивление местных военных властей, не была проведена последовательно» [9]. В то же время нельзя согласиться с позицией, отрицающей роль приставов в перестройке кавказских обществ. Применительно к Кабарде такой вывод сделал Б.М. Мальбахов, считающий, что из-за «военного вмешательства» «о власти главного пристава» в ней «говорить не приходится», и поэтому «попытки введения гражданского управления в Кабарде провалились полностью» [10]. Конечно, это не так: с деятельностью главного пристава Кабарды было связано развитие системы судопроизводства, работа Верхнего Кабардинского суда, местного управления. Несмотря на сложное и неоднозначное восприятие приставов местным населением, их назначение было если не лучшим, то мягким вариантом его адаптации к условиям российского подданства.

Ещё П.Г. Бутков отметил, что введение приставской системы не противоречило интересам народов и устраивало

обе стороны: кавказскую и российскую. В качестве примера формирования таких отношений он приводил кабардинцев, которые не хотели принимать «присланных к ним из Кизляра нарочных для дел, признавая их за подозрщиков» и «сами испросили у Медема [командующего русскими войсками на Кавказе — В.М.] офицера, чтобы он был их опекуном». Назначение «опекунов» (приставов) меняло характер связей российской администрации с народами Кавказа: из нерегулярных они переходили в постоянные. Не случайно, что в Кабарду первый российский пристав был назначен в 1769 г.: им стал секунд-майор Дмитрий Таганов, внук солтанаульского ногайского владельца Мусы-Мурзы, находившийся в этой должности по 1783 г. [11].

В конце XVIII — первой половине XIX вв. приставское управление становится основной формой административной связи между Россией и горскими и кочевыми народами Кавказа. В 1793 г. ногайцы, кочевавшие по территории от рек Кумы и Калауса до Каспийского моря, были объединены в четыре приставства: Калаус-Джембойлуковское, Калаус-Саблинское, Караногайское и Ачикулак-Джембойлуковское. В 1817 г. приставство вводится в бывшем Мехтулинском ханстве в Дагестане, 1818 г. — у чеченцев, проживавших по правому берегу Терека, и назрановских ингушей, в 1830 г. — в Осетии и Ингушетии [12], в 1834 г. — у карачаевцев. В 1839 г. все аулы, находившиеся в подчинении начальника Левого фланга Кавказской линии, были разделены на три приставства [13]. В северо-восточной части Дагестана, или Засулакской Кумыки, где располагались Эндереевское, Аксаевское и Костековское владения, в каждое из них в начале XIX в. был назначен пристав, подчинявшийся главному кумыкскому приставу.

В 1847 г., согласно «Записке главного штаба Кавказской армии о преобразовании приставских управлений на Кавказе» (1858 г.), на Левом крыле Кавказской линии управление северокавказскими народами осуществляли приставства урусбиевского, чегемско-

го, хуламского и балкарского народов, малокабардинское, дигорское, приставство алагирских и куртатинских народов, приставство карабулаков и чеченцев, костековское, аксаевское, приставство назрановского народа и приставство надтеречных чеченцев и брагунского народа, а также главное кумыкское приставство и главное приставство горских народов бывшего Владикавказского округа. Кроме того, в 1856 г. для управления ингушами и чеченцами (галгаевцами, цоринцами, джераховцами и кистинцами) было создано Нагорное приставство.

На Правом фланге Кавказской линии к 1847 г. на подконтрольной России территории для управления мирными народами были образованы пять приставств: главное приставство закубанских народов, приставство бесленевских народов и закубанских армян, приставство тохтамышевских аулов, приставство темиргоевского, егерухаевского, хатукаевского и бжедуховского народов и приставство карачаевских народов [14]. Главный пристав закубанских народов руководил «ногайскими народами — мансуровским, кипфакским, карамурзинским», а также «абазинцами дударуковскими». В ведении тахтамышевского пристава находились тахтамышевские ногайцы и «кубанские абазинцы Лоова». Пристав при начальнике Зеленчукской линии отвечал за беглых кабардинцев и башильбаевцев; пристав «бесленевский и закубанских армян» — за наврузовских ногайцев и «частью султановского племени» [также ногайцами — В.М.] и за армянским населением Закубанья; и пристав «залабинских народов» — за темиргоевцами и хатукаевцами, «которых часть только вернулась к нам» [15]. В 1848 г. карачаевскому приставу были подчинены абазинские переселенцы [16].

В 50-е годы XIX в. приставства были значительно реформированы в связи с преобразованиями в системе управления горскими народами: некоторые были упразднены, другие укрупнены и образованы новые. В 1852 г. с введением в Чечне нового административного учреждения — главного че-

ченского управления – ликвидировано приставство надтеречных чеченцев и брагунского народа. В том же году вместо упразднённого в 1851 г. приставства темиргоевского, егерухаевского, хатукаевского и бжедуховского народов было образовано приставство нижеприкубанских народов, а в 1855 г. вместо приставства закубанских народов создано приставство карамурзинских и кипчаковских ногайцев, а в 1856 г. — новое тебердинское приставство [17].

В принятом в 1827 г. новом «Уставе для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» [18] было законодательно закреплено положение приставов в системе кавказской администрации и определены правовые нормы их отношений с кочевниками. Согласно «Уставу», все кочевавшие в пределах Кавказской области «магометане разных наименований», поступали в подчинение Главному пристава «для единства надзора и доставления им лучшего управления». К ведомству Главного пристава относились: ногайцы, кочевавшие в Ставропольском, Георгиевском, Моздокском и Кизлярском округах, а также трухмены и киргизы, кочевавшие в Кизлярском округе и калмыцких землях с совокупным населением в 9503 кибитки. В подчинении главного пристава находились пять частных приставов — по числу кочевавших в пределах Кавказской области народов.

Кандидатура главного пристава ногайцев рекомендовалась Правителем Кавказской области для рассмотрения и одобрения Главноуправляющим в Грузии, а затем утверждалась Министерством внутренних дел. Частные приставы, также подбирались правителем области, а утверждались Главноуправляющим на Кавказе. Главный пристав находился в непосредственном подчинении областного начальства. Закон чётко определял должностные обязанности приставов. Главному приставу вменялось «охранение прав и собственности ногайцев и вообще каждого, ограждение и защипение как иноверцев, мало ведающих права Рос-

сийские, от всяких обид и притязаний, кои могут быть по имуществу, или по владению землёй; попечение об улучшении благосостояния их; внушение им в пристойных случаях преимуществ и выгод жизни постоянной перед кочевою, не подавая однако ж вида принужденья».

Однако до 40-х годов XIX в. слаженной системы приставского управления на Северном Кавказе создано не было. Как писал в 1839 г. в своём «Обзоре управления левым флангом Кавказской линии» командующий на Кавказской линии генерал П.Х. Граббе, «о прочном устройстве управления, по крайней мере мирных обществ, никто не думал, и, кроме 3-х или 4-х приставов, наблюдавших за надтеречными чеченцами и кумыками, и андреевского [в селении Эндери — В.М.] суда для разбора тяжёлых дел между туземцами...не было сделано никакой попытки для подчинения этих обществ какому-либо начальству с определёнными правами и обязанностями» [19].

По своему служебному положению пристав относился к должностному «лицу более или менее самостоятельному, в действия и распоряжения которого никто из посторонних начальников не имел права вмешиваться» [20]. Главной его обязанностью являлось осуществление общего надзора за вверенным ему в управление населением. Эти широкие полномочия в литературе трактуются как передача «приставу на подчинённой ему территории ... всей полноты власти над народом» [21]. Содержание деятельности пристава раскрыл в «Записке о большой и Малой Кабарде» генерал-майор И.П. Дельпоццо, являвшийся приставом Кабарды в 1805–1810 гг. В его понимании пристав являлся посредником между вверенным ему в управление народом и русской администрацией, который должен был разрешать самые разнообразные вопросы, от политических, связанных с взаимоотношениями кабардинцев с русской администрацией и соседними народами, до бытовых. О выполнявшихся им на приставской службе функциях И.П. Дельпоццо писал:

«В течение времени управления моего [Кабардой. — В.М.] я за правило поставил себе поступать с сими народами всегда с кротостью и самую строжайшею справедливостью» и поэтому «старался во всяких многих случаях доставлять им защиту, удовлетворение, ходатайствовал для их пользы и выгоды, сколько силы и возможность моя с помощью начальства могли соответствовать...» [22] К.Ф. Сталь, длительное время служивший на Кавказе, также указывал, что должность пристава «требует опыта, умеренности, твёрдости воли, знания обычаев народа и бескорыстия». Он обращал внимание на то, что «доверенность мирных народов к приставам зависит от личности самих приставов», признавая при этом, что «выбор людей для этих мест крайне затруднителен» [23].

Введение приставств в Закавказье, в т.н. «татарских дистанциях» было обусловлено необходимостью создания российских по содержанию органов управления в мусульманских районах на юго-востоке Кавказа и выведения их из феодального подчинения грузинским агаларам. В отличие от Северного Кавказа, где приставская система как бы накладывалась на существовавшие у народов формы управления и действовала параллельно с ними, в Закавказье она вошла в противоречие с существовавшей с давних лет неместной феодальной администрацией правителей-агаларов. После присоединения Грузии к подвластным ранее ей народам российское правительство назначило «для наблюдения за ними русских приставов», оставив без изменений существовавшую систему управления: и в составе империи они продолжали жить «по своим вековым установлениям и обычаям, под властью привилегированного сословия агаларов, которые вели свои родословные от древних ханских родов» [24]. Первое время приставами назначались «отставные раненые офицеры, присылаемые большей частью из России», совершенно не знавшие Кавказа, которые, вступали в должность, «не зная ни свойств, ни обычаев его,

ни языка», попадали в зависимость от переводчиков и агаларов, что «не способствовало усилению значения русской власти в крае». Эта порочная практика была изменена А.П. Ермоловым. Он поставил перед комитетом министров вопрос, «чтобы в пристава назначались как и было некогда, грузинские князья и дворяне», т.к. «они, как одноземцы, зная в совершенстве язык и весь быт татар и даже образ их мыслей, ... были бы полезнее целям русского правительства» [25].

В 1840 г. приставское управление было введено в только что присоединённой к России Самурзакани, области пограничной с Абхазией и Мингрелией. Первое время самурзаканский пристав был подчинён начальнику Черноморской береговой линии, а после образования в 1847 г. Кутаисской губернии — кутаисскому военному губернатору. Одновременно были расширены полномочия самурзаканского пристава: ему предоставлялись права, имевшиеся у окружных и уездных. В 1857 г. самурзаканский пристав был переподчинён управляющему Мингрелией. С 1859 г. пристав имел право суда и расправы по уголовным и гражданским делам как уездный начальник с правом передачи дел в словесный суд.

В 1858 г. вопрос об упразднении приставств был рассмотрен в «Записке главного штаба Кавказской армии о преобразовании приставских управлений на Кавказе». 15 октября 1860 г. они были отменены, а входившие по управлению в их состав народы переведены в ведение военно-народного управления. Существование института приставств на Кавказе являлось важным звеном процесса адаптации местных форм общественной жизни к содержанию административно-правового устройства Российской империи. Приставской системе, при всём несовершенстве и незавершённости форм и методов взаимодействия с населением Кавказа, удалось выполнить главное: распространить основы российской административной власти в регионе.

Примечания:

1. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Извлечения. Нальчик, 2001. С. 75.
2. Малахова Г.Н. Становление и развитие Российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVII-XIX вв. Ростов н/Д, 2001. С. 146.
3. Магометов А.Х. Политическое устройство у горских народов в первой половине XIX в. // Социальные отношения у народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1978. С. 64.
4. Мамедов А.Н. Приставская система управления на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX века. URL: http://lib.herzen.spb.ru/text/mamedov_35_76_1_241_244.pdf
5. Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Репринт. Нальчик, 1990. С. 84.
6. Блиева З.М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII-первой трети XIX века. Владикавказ, 1992. С. 97.
7. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Т. XXVII. 1802- 1803. СПб., 1830. №. 20 468. С. 312-313.
8. Дубровин Н.Ф. О народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2002. С. 463.
9. Кудашев В.Н. Указ. соч. С. 87.
10. Мальбахов Б.М. Кабарда в период от Петра I до Ермолова. Нальчик, 1998. С. 139-140.
11. Бутков П.Г. Указ. соч. С. 75.
12. См. Блиева З.М. Указ. соч. С. 90-94.
13. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.). М., 1988. С. 114.
14. Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Тифлис, 1885. Т. XII. С. 645-646.
15. Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Русские писатели XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: в 2 т. Нальчик, 2001. Т. I. С. 210-211.
16. АКАК. С. 645.
17. Там же.
18. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. 2. 1827. СПб., 1830. №. 878. С. 145-155.
19. Обзор управления Левым флангом Кавказской линии // Кавказский сборник. Тифлис. 1885. Т. IX. С. 23.
20. Потто В.А. Кавказская война: в 5 т. Ставрополь, 1994. Т. 1. С. 66.
21. Магометов А.Х. Указ. соч. С. 64.
22. Дельпоццо И.П. Записка о Большой и Малой Кабарде // Русские писатели XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: в 2 т. Нальчик, 2001. Т. I. С. 11-12.
23. Сталь К.Ф. Указ. соч. С. 211.
24. Потто В.А. Указ. соч. Т. 2. С. 578.
25. Там же. С. 578-579.

References:

1. Butkov P.G. Materials for the modern history of the Caucasus since 1722 to 1803. Extracts. Nalchik, 2001. P. 75.
2. Malakhova G.N. The formation and the development of the Russian state administration in the North Caucasus in the end of the XVII-XIX centuries. Rostov-on-Don, 2001. P. 146.
3. Magometov A.Kh. The political system of the mountain peoples in the first half of the XIX century // Social relations of the peoples of the North Caucasus. Ordzhonikidze, 1978. P. 64.
4. Mamedov A.N. Bailiff control system on the Northeast Caucasus in the first half of the XIX-th century. URL: http://lib.herzen.spb.ru/text/mamedov_35_76_1_241_244.pdf
5. Kudashev V.N. The historical data on the Kabardian people. A reprint. Nalchik, 1990. P. 84.
6. Blieva Z.M. The control system in the North Caucasus in the end of the XVIII century — the first third of the XIX-th century. Vladikavkaz, 1992. P. 97.
7. The complete collection of laws of the Russian Empire (PSZ RI). V. XXVII. 1802- 1803. SPb., 1830. No. 20 468. P. 312-313.
8. Dubrovin N.F. On the peoples of the Central and Northwest Caucasus. Nalchik, 2002. P. 463.

-
9. Kudashev V.N. Mentioned work. P. 87.
  10. Malbakhov B.M. Kabarda during the period from Peter I to Yermolov. Nalchik, 1998. P. 139-140
  11. Butkov P.G. Mentioned work. P. 75.
  12. Blieva Z.M. Mentioned work. P. 90-94.
  13. See: The History of the peoples of the North Caucasus (the end of the XVIII century — 1917). M., 1988. P. 114.
  14. The acts of the Caucasian Archeography Commission (AKAK). Tiflis, 1885. V. XII. P. 645-646.
  15. Stal K.F. The ethnographic sketch of the Circassian people // The Russian writers of the XIX-th century on the peoples of the Central and Northwest Caucasus: in 2 v. Nalchik, 2001. V. I. P. 210-211.
  16. AKAK. P. 645.
  17. Ibidem.
  18. PSZ RI. Coll. II. V. 2. 1827. SPb., 1830. №. 878. P. 145-155.
  19. The review of the control of the Left flank of the Caucasian line // The Caucasian collection. Tiflis. 1885. V. IX. P. 23.
  20. Potto V.A. The Caucasian war: in 5 v. Stavropol, 1994. V. 1. P. 66.
  21. Magometov A. Kh. Mentioned work. P. 64.
  22. Delpotso I.P. A note on the Greater and Smaller Kabarda // Russian writers of the XIX-th century on the peoples of the Central and Northwest Caucasus: in 2 v. Nalchik, 2001. V I. P. 11-12.
  23. Stal K.F. Mentioned work. P. 211.
  24. Potto V.A. Mentioned work. V. 2. P. 578.
  25. Ibidem. P. 578-579.